

Козловский И.С.

28 III 60

Известия - 1990 - 25 марта (№ 5).

МУЗЫКА — РАДОСТЬ И БОЛЬ МОЯ

В Большом театре чествуют Ивана Семеновича Козловского. Шутки и смех, искрометное веселье и изысканная фантазия. И, конечно же, официальные поздравления. Слова искреннего признания, любви, уважения. Но все-таки лейтмотив вечера — праздник. Праздник для тех, кто на сцене. Праздник для тех, кто в зале. И эпи-

центр, душа всего — сам Иван Семенович. Глядя на него, трудно представить, что ему девяносто.

Как жаль, что увлеченный предпраздничной суетой Иван Семенович не смог выделить нам немного времени. И все-таки мы постарались предоставить нашим читателям такую возможность — беседовать с Иваном Семеновичем,

точнее, почитать фрагмент из его книги «Музыка — радость и боль моя», которая выйдет в этом году в издательстве «Советский композитор».

В его творчестве и в его литературных заметках проявляются удивительное своеобразие Козловского, твердость позиции и желание откликаться на все животрепещущие вопросы.

поздней и каждый раз несет свое неповторимое настроение...

...Сегодня мы об утраченном жалею. Завтра будем жалеть еще больше. Звучание — это наиболее сильное оружие для воспитания психики. От самого рождения мать напевает ребенку колыбельную. Уже давно пишут о счастливом детстве. К сожалению, это детство больше направили на боксерскую перчатку. А вот чтобы скрипку мальчишке в руки — не обязательно ему быть профессиональным музыкантом — и где-то когда-то среди друзей зазвучала бы его интерпретация, его душа, как он понимает благоухание леса, темноту, сумерки, свет — это нам нужно поощрять, к этому идти, и, возможно, по нашему следу пойдут другие...

...Собрались однажды у меня гости. Возник, как водится, просвещенный спор. В воздухе висели ирония и скепсис. Горели свечи на столе. В окне отражались блики. И я попросил всех повернуться к окну и посмотреть на эти блики. Счастлив тот, кто видит их, кто чувствует непознаваемость и тайну жизни. Может, то душа предметов,

а может, наша душа. Когда лица моих гостей снова повернулись к свету, на них было уже совсем другое выражение. Налет снисходительности исчез, все как-то притихло, задумались... Магометанский закон запрещает рисовать лик божий. Каждый должен быть художником, чтобы дорисовать в сердце своем то, о чем ведает Коран. Христианство же, наоборот, учитывает разницу между людьми, учитывает неподготовленность многих к восприятию самого понятия высшей силы. И чтобы облегчить вошедшему в храм человеку постижение и размышление на сей предмет, рисуют конкретное лицо бога, то есть икону. Современные художники нередко предлагают нам как раз слишком определенно расписанные картины-иконы, не оставляя пространства для нашего собственного воображения, для нашей собственной духовной работы... Все более расписанной, как бы в готовом виде, получает сегодняшний человек и программу своего пребывания на Земле в целом. Мне кажется, это обедняет. Потому что каждый должен иметь в своей жизни святые места, сам уметь создавать их.

...— Смотрю на себя и спрашиваю: это я или не я? Такие белые волосы, думаю: может, это парик из «Снегурочки», а я царь-Берендей? А сколько я сам себя видел, когда гримировался в артистической, по крайней мере свое лицо, а, наверное, это совсем не так. И нельзя этого знать, потому что мы живем такой жизнью, когда радость и печаль быстро сменяют друг друга.

Стоял я на сцене Большого театра в день своего юбилея 25 марта 1980 года, — вспоминал свою родину, потому что в моем представлении — там поэтические люди. Гоголь метко сказал, что песня народа — его история. И я помню «живую историю», вспоминая, как пели лю-

ди в радости и печали. А главное — как чувствовали запах земли. Это особенная тема. Довженко ее коснулся в кино и дал толчок глубоким мыслям, образности, когда человек начинает с лошадкой разговаривать, потому что вокруг его уже никто не понимает.

А вот — дорога. Стою, и мне кажется, что сейчас выход на сцену и я приехал в родные места. Как когда-то Довженко показал в фильме «Поэма о море»: генерал идет с сыном и ведет разговор. Его сын спрашивает: «Папа, почему вы не показали автомобиль?». А он и говорит: «Ты должен в это село идти пешком, чтобы понять эту дорогу, на которой было много мыслей, труда, и что очень хо-

рошими были наши предки»...

...Нужно, чтобы каждый относился к земле отцов и дедов с особенным, глубоким почтением. Мне кажется, что я не часто езжу на родину, потому что хочу сохранить то ощущение, с которым я ее покидал. Уезжая оттуда впервые, я, наверное, не знал, что меня ждет, и почему-то по дороге плакал. Мне было семь лет, немного больше. А теперь я острее представляю, что было, что звучало. Поэтому у меня печаль и радость всегда в гармонии, и всю жизнь я это чувствую...

...Воспитали поколение, незнакомое со всем лучшим, что досталось нам в наследие от музыкальной культуры. От этого в искусстве утратилось по-

нятие вкуса, все стало дозволенным, вплоть до истерики. И думается, необходим заслон от безвкусицы. Интеллигентность — то, что чего более всего недостает нашему обществу...

Есть духовная сила, которая, по сути, есть продолжение жизни, начатая нашими предками. Их нет, а история сегодня поднимает все, сделанное ими, называет эпизоды, факты, имена. Есть закон для всех, для всего живого. И хотя с ним веками борются, а нарушить его никто не может. Но и бороться с ним не нужно. Ибо если бы то, к чему человек стремится — жить вечно, — случилось, было бы ужасно. Омертвелое могло бы тогда заслонить все живое.

Но поэзия до смерти остается